

К. Резников (Москва)

Россия в современной американской русистике¹

Введение

Образ России в национальном самосознании – отнюдь не единственное представление о России и русских в окружающем мире. На протяжении столетий иностранцы пытались понять Россию. На эту тему написаны сотни книг, начиная от впечатлений путешественников и кончая многотомными научными трудами. Следует иметь в виду, что хотя оценки России русскими и иностранцами существуют параллельно, они оказывают друг на друга влияние. Именно поэтому при анализе образа России невозможно пренебречь взглядом «с другого берега», то есть мнением иностранцев, изучающих Россию.

На сегодняшний день наиболее значимой для России является ее оценка в странах западной цивилизации, в первую очередь в США – единственной мировой сверхдержаве. Мнение образованных американцев о России основано не только на передовицах, популярных статьях и телеобозрениях, но и на работах специалистов-русистов. Нередко эти специалисты прямо обращаются к публике как авторы газетных и журнальных статей, в других случаях они действуют опосредованно, авторитетом своих трудов влияя на взгляды редакторов и ведущих журналистов. Поэтому не будет преувеличением определить роль ученых-русистов как первичную и ключевую в формировании представлений о России в кругах американского истеблишмента.

Образ России в трудах американских культурологов, историков, социологов меняется с течением времени. Это связано с изменениями, происходящими в России, с динамикой американо-российских отношений и, наконец, с процессами, происходящими в самом американском обществе. В результате наблюдается не всегда благоприятное для нас переосмысление традиционных представлений о России, хотя до их смены дело еще не дошло и все пока остается в рамках сложившихся парадигм. Тем не менее вызов традиционалистам брошен, пересмотр стереотипов начался, и наша задача – охарактеризовать идущие процессы и определить, как они влияют на отношение американского истеблишмента к России.

Новые тенденции в американской русистике

Распад СССР во многом изменил американскую русистику. Сложившееся во время «холодной войны» деление американских русистов на «правых» (активных противников коммунизма и СССР) и немногочисленных «левых» (марксистки настроенных ученых) сменилось разнообразием мнений и подходов к изучению России. Согласно историку из Мичиганского университета Джейн Бербанк, выступившей в 1997 г. на Летней школе в Подмосковье с докладом «Новые

течения в американской историографии о России», суть изменений заключалась в следующем:

Тогда американская историография о России находилась под сильным влиянием политики «холодной войны»... За каждым научным аргументом пряталась какая-то мораль насчет Советского Союза. Те, кто определил себя «левыми» в американской политической жизни, более или менее «захищали» Советский Союз, большевизм, Ленина, революцию 1917 г. и критически относились к царской России. Те, кто критически относился к большевизму, к Советскому Союзу, к марксизму, считались «правыми», несмотря на их позиции во внутренней американской политике².

Ситуация в американской русистике меняется буквально на глазах. Поэтому доклад Бербанк, прочитанный в 1997 г., следует принимать с поправками на реалии сегодняшнего дня. Ниже следуют основные положения доклада с соответствующими примечаниями.

В первую очередь Бербанк отмечает возросший интерес американских историков к России до 1917 г.:

Главное новое явление, по-моему, — это повышенное внимание к истории России до 1917 г., и особенно к Российской империи XVIII в. и первой половины XIX в. Новое обращение к старому режиму частично объясняется нежеланием продолжать обычные исследования советского периода, политизированные до распада Союза и еще более проблематичные после 1989 г. «Обратно от революции» — вот, возможно, лозунг тех историков, которым надоела политика «холодной войны» по-американски. Самое интересное время российской истории для многих ученых кончается 1860-ми.

Тут надо заметить, что зубры «холодной войны» вроде З. Бжезинского и Р. Пайпса никогда не считали, что зло советской системы пришло в Россию с большевиками в 1917-м или с марксизмом в конце XIX в. По их мнению, авторитарным уродством была вся российская история, которую они тщательно изучали. Советский период был лишь закономерным следствием этого уродства³. Сходную позицию, хотя и с реверансами в сторону западнических порывов России, занимает А. Янов. Он находит азиатскую деспотию в правлении Ивана Грозного и основы тоталитаризма в царствовании Николая I⁴. Советский период — лишь следствие неустойчивости российской истории.

Из крупных американских историков исключением был недавно умерший (2004) Мартин Малиа. В ставшей бестселлером книге «Россия глазами Запада: от Бронзового всадника до мавзолея Ленина»⁵ Малиа отрицает саму идею, что Россия исторически не часть Запада. Согласно автору ошибка историков заключалась в сравнении России с наиболее западной частью Европы. Если же взять Европу в целом, то станет заметен градиент культурного развития, ступенчато меняющийся от Атлантики к Уралу. Россия всего лишь один из его крайних вариантов и вместе с Европой составляет Запад в широком смысле слова. Малиа считал, что Россия была частью Запада с петровских времен и до эпохи построения «реально-

го социализма» при Ленине и Сталине. Затем она выпала из общественно-культурного поля Запада – а после распада СССР туда возвращается.

Надо сказать, что работа Малия вызвала раздражение у многих историков – сторонников неевропейской сущности России. В ответ на критику одного из них, французского историка Алена Брезансона, Малия пишет:

Российская империя строилась на том же фундаменте, что и прочие европейские империи, – геостратегические соображения здесь соединялись с национальным тщеславием. Но сегодня, вне всякого сомнения, все изменилось. События последнего десятилетия неопровержимо доказывают, что русский империализм больше никому не угрожает. В 1991 г. Россия не моргнув «профукала» все завоевания Петра Великого, Екатерины Великой и Александра II, вместе взятых... Ибо я вовсе не считаю, что «форма и роль Российского государства, форма и суть русского религиозного чувства мешали России» воссоединиться с остальной Европой; не считаю я также, что смешение остатков коммунистической идеологии, «тупого» национализма и «фанатической» религии по-прежнему делает европеизацию России задачей практически неисполнимой⁶.

Вернемся, однако, к докладу Бербанку. Как ни странно, она не упоминает книгу Малия, хотя их взгляды близки. Бербанк сочувственно цитирует популярного в Америке израильского историка Мишеля Конфино, утверждающего, что категория «Запад» используется в западной историографии очень неточно – типичный «Запад» означает историческое развитие только одной страны, то есть Англии. Отсюда следует логическое противоречие:

Как ни странно, самая уникальная страна служит моделью, по которой определяют степень развития, прогресса, трансформации и модернизации во всех странах. А как может Россия быть как Запад, когда большинство стран Запада сами не очень похожи на Запад, то есть на Англию?

Бербанк, вместе с Конфино, утверждает, что историю России надо не противопоставлять истории Запада, а разрабатывать в «контексте всей континентальной Европы». Тогда «история России не будет казаться *sui generis*, а будет полностью включена в историю континентальной Европы. Тогда сравнение с другими европейскими обществами с XVIII в. до начала XX в. представлялось бы не только контрастным, но и подобным».

Надо сказать, что русофильские настроения 1990-х угасли. Американский истеблишмент недоволен «авторитарностью» современной России и еще больше ее независимой политикой. Вновь на коне ветераны «холодной войны» Бжезинский⁷ и Пайпс⁸, и почти не слышно голосов тех, кто защищал нормальность исторического пути России. Мода на «хорошую Россию» прошла.

Россия – империя или национальное государство?

Другой важной темой, поднятой американскими историками после краха СССР, был вопрос, является ли Россия национальным государством либо это империя,

обреченная на неизбежный распад. Русофильски настроенная Бербанк ставит этот вопрос в максимально доброжелательной для России форме:

Как лучше анализировать имперскую Россию — как империю или как нацию?.. Понятие России как империи стало популярным в течение последних лет, но оно имеет свои недостатки... Мы должны отказаться от искусственных категорий — как советского стереотипа, так и различных национальных канонов — в пользу тщательного анализа того, что означала русская культура и «русскость» для подданных империи.

Большинство американских историков оценивают имперскую сущность России гораздо определенней и жестче. Они исходят из аксиомы, что в современном мире империи обречены на распад и исчезновение. Национальные государства окончательно вытеснили империи в XX в. Однако Российская империя оказалась живучей и после революции 1917 г. сумела возродиться в форме Советской империи. Мнение некоторых американских ученых времен «разрядки» о том, что Советский Союз есть государство национальное, способное к модернизации, к удовлетворению социальных нужд граждан и, в конечном итоге, к конвергенции с Западом, было опровергнуто фактом краха СССР. Как пишет Марк Бейсингер:

То, что привычно называли государством, внезапно получило приговор как империя... Общее мнение теперь заключается в том, что Советский Союз был империей и поэтому он распался. Однако также привычно ссылаются на него как на империю именно потому, что он распался⁹.

Многие историки не ограничиваются причислением к империям Советского Союза и распространяют понятие «империя» на сегодняшнюю Российскую Федерацию. Получается, что термин «империя» по отношению к современной России сейчас применяется чаще, чем во времена могущества Советского Союза, когда он действительно представлял из себя мировую сверхдержаву. Причина проста: если огромная страна оказалась непрочной, развалилась на куски и имеет шансы разваливаться дальше — то это империя; если же такая страна сильна и едина — то это национальное государство (например, США).

Роналд Сани из Чикагского университета в опубликованной в 2001 г. работе «Империя выводится из игры: имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи»¹⁰ рассмотрел проблемы империи и национальности в царской, советской и постсоветской России. Вслед за Дж. Армстронгом¹¹ и М. Дойлем¹² Сани определяет империю как составное государство, в котором метрополия доминирует над периферией в ущерб последней. Этот ущерб может даже не быть реальным, но главное, что так его ощущают обитатели периферии. Как видим, формула емкая и позволяет включить в число жертв имперских амбиций процветавшие периферийные народы, жившие за счет нищей метрополии. Что и имело место в СССР — достаточно сравнить жизнь колхозников в Грузии и Нечерноземье¹³.

Сани считает, что удельные княжества, вошедшие в состав Московского Великого княжества, полностью интегрировались в метрополию и с ними обращались хорошо или плохо, но как с областями метрополии; то есть Московское государство империей не было. Признаки империи Россия стала приобретать при Иване Грозном, подчинившем татарские царства и княжества на Северном Кавказе. Дальнейший территориальный рост превратил Россию в настоящую империю. Официально империей страна стала в 1721 г., когда Петр I принял титул императора. Особенностью России, отмечает Сани, было включение элит покоренных народов в правящую элиту империи: либо путем их интеграции, либо с сохранением полунезависимости на национальных окраинах. Автор обращает особое внимание на многонациональность правящей элиты Российской империи и, в последующем, Советского Союза:

В моем понимании, ни царская Россия, ни Советский Союз этнически не были «Русской империей» с метрополией, полностью идентифицируемой с правящей русской национальностью. Скорее правящие слои — дворянство в одном случае, партийная элита в другом — были многонациональны (хотя преимущественно русские) и по-имперски в равной мере властвовали над русскими и нерусскими подданными¹⁴.

Особый вопрос представляет русская нация. Сани пишет, что после крещения Руси жители России чаще определяли себя как православные, чем как русские. Государственная принадлежность ассоциировалась с царем и династией, а не со страной. В состав русского народа постоянно включались как отдельные люди, так и целые племена. Автор отмечает легкость для иностранца стать русским — достаточно было принять православие.

Наиболее спорно утверждение Сани (и других американских русистов¹⁵), что в России до XX в. не сложилась единая русская нация. Тут произошла подмена понятий, ведь в английском языке Russian означает и русский, и российский. История крупных народов Европы, составляющих большинство населения унитарных национальных государств, не похожа на исторический опыт России, где русские включили в состав своего государства самые различные этносы. Другими этносами (нациями), создавшими устойчивые многонациональные империи, были римляне, византийцы, турки Османской империи и китайцы. Единой *российской нации* действительно не сложилось, но вплоть до царствования Александра III подобной задачи и не ставили.

Сани выделяет четыре причины, почему не сложилась *российская нация*. Во-первых, огромные размеры России и плохие дороги затрудняли объединение разобщенного населения в единый народ. Во-вторых, формирование *российской нации* началось слишком поздно, в первые десятилетия XIX в. К этому времени элиты покоренных народов начали выдвигать свои национальные идеи, что затрудняло русификацию. Третьей причиной было преобладание вертикальных связей над горизонтальными, связей иерархических над связями внутри общественных слоев, характерными для Европы. Четвертой причиной, определившей неудачу русифи-

кации народов России, было отсутствие общей национальной идеи, отличной от таких понятий, как православие, династия, империя или узко русской этничности.

При всей изящности положений Сани они выглядят надуманными, поскольку Россия, объединившая самые различные народы, никогда всерьез не претендовала на их слияние в одну нацию. Даже при Александре III задачи ставились ограниченные — например, русификация Юго-Западного края или укрепление русского элемента в балтийских губерниях. На большее (впрочем, не удалось и малое) просто не хватило бы сил. Поэтому более реалистичными выглядят исторические концепции, где не делается упор на мифическую *российскую нацию*, а рассматривается этническая и географическая специфика разнообразия России, иными словами, ее евразийская сущность.

Новая евразийская антипарадигма

Евразийская концепция для объяснения исторического пути Российской империи и Советского Союза, разработанная в 1920–1930-е гг. русскими учеными-эмигрантами П.Н. Савицким, Н.С. Трубецким, Г.В. Вернадским, возродилась в трудах современных американских историков. Наиболее последовательным евразийцем является Марк фон Хаген (Колумбийский университет), автор нескольких книг по истории России¹⁶ и многочисленных статей, в том числе программного обзора «Империи, пограничье и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветской эры»¹⁷. В этой статье фон Хаген критикует популярную среди американских историков концепцию противопоставления «Запада» и остального «мира». Он отмечает, что подобная концепция не способна определить цивилизационную принадлежность России:

Во второй половине XX столетия история России... на американских кафедрах истории в большинстве случаев занимала двойственное положение между Европой и «миром»... Многие американские и европейские коллеги воспринимали историю России как слегка отличающуюся от псевдоисторий третьего мира, со всеми посылками и выводами об интеллектуальной периферийности страны... По большей части трудности в определении места России между Европой и «миром» были признанием того, что Россия (и Советский Союз) не являются полностью европейскими, поскольку они не соответствуют модели национальных государств... Хотя ни один серьезный историк не отрицает значения описаний, ориентированных на государства-нации, наш недавний опыт сделал нас большими скептиками в том, что касается очевидности организации исторического обучения исключительно или преимущественно вокруг национальной истории¹⁸.

По мнению фон Хагена, новая евразийская концепция — *евразийская антипарадигма* позволяет объяснить евразийскую, российскую и советскую историю. Она избегает прорусских взглядов евразийцев, но сохраняет их подходы к концепциям Европы, Азии и Евразии. Согласно фон Хагену Евразия не совпадает ни с Российской империей, ни с Советским Союзом, ни с каким-либо государством

прошлого – ее границы менялись во времени. В век глобализации важно помнить, что великие континентальные империи всегда были частью мировой истории.

Фон Хаген подчеркивает важность рассмотрения истории России и СССР как многонациональной империи, а не национального государства; важность изучения пограничных зон – мест контакта цивилизаций. Концепция пограничья перенесена в русистику из американской истории, где подобную роль выполнял «Дикий Запад». Применительно к российской истории концепцию пограничья развивают Дэвид Кристиан¹⁹, Альфред Рибер²⁰ и многочисленные молодые американские исследователи²¹. Последние особое внимание обращают на историческую подвижность пограничных зон, которые, по их мнению, в настоящее время перемещаются с запада на восток, отвоевывая для Европы западную часть Евразии, то есть Прибалтику, Украину, Беларусь и Молдавию.

Но все американские историки согласны с *евразийской антипарадигмой* фон Хагена. Мартин Льюис из Стэнфордского университета признает ценность географической истории, то есть анализа исторических процессов в пространстве, и оправданность выделения категорий «диаспора», «пограничье», «регионализм». Но он не согласен с *евразийской антипарадигмой* в качестве ключа к российской истории. Льюис предлагает свою версию географической истории региона: значительная его часть может быть осмыслена как «черноморский мир», а другая часть вписывается в «турко-персидскую зону»²². Д. Макдональд из Висконсинского университета признает, что географическое положение России всегда влияло на ее историю, но ему импонирует расширенное понятие Европы. В составе Европы могут быть выделены зоны, границы которых зависят от характера сравнения. При одном подходе Пруссию, Австрию и Россию можно рассматривать как восточную зону Европы, при другом – в ту же зону может быть включена и Османская империя²³.

Упоминание Османской империи невольно заставляет вспомнить настроения европейской общественности конца XIX в. по отношению к туркам. Эти настроения описал их современник Жан-Жак Элизе Реклю, автор классических трудов по географии и истории человечества:

С давнего времени крик «Вон из Европы!» раздавался не только против османских правителей, но также против массы турецкой нации, и известно, что это жестокосердное желание в большей части уже осуществилось: сотнями тысяч ушли в Малую Азию эмигранты из греческой Фессалии, из Македонии, из Фракии, из Болгарии... Этот исход османов продолжается... Но вот и в самой Азии туркам угрожает та же участь. Поднимается новый зловещий крик: «В степи!» – и с ужасом спрашиваешь себя: неужели и это слово должно исполниться?²⁴

Эта страница из прошлого странным образом перекликается с настроениями многих американских (и европейских) историков, видящих в наступлении Европы на Евразию (то есть Россию) торжество прогресса, культуры и демократии.

Новый взгляд на русских классиков: русская литература и колониализм

Книга Эвы Маевски Томпсон (Ewa Majewska Thompson), профессора славистики университета Райса «Имперские знания: Русская литература и колониализм» (2000)²⁵ заслужила лестные отзывы видных американских русистов. Выход книги поддержали Дональд Фангер из Гарварда, Ричард Стэр из Стэнфорда и Харольд Сигел из Колумбийского университета. Последний ученый в отзыве на издание пишет:

В этой будящей мысль, хорошо написанной и непредвзятой книге Эва Томпсон обращается к соучастию русской литературы... содействию русскому колониализму и империализму... «Имперские знания» — своевременный вызов привычному подходу к чтению и обучению русской литературе²⁶.

Разговор о непредвзятости Томпсон особый, но можно согласиться, что выход ее книги знаменует начало нового подхода американской русистики к оценке русской литературы и русских писателей, в первую очередь классиков XIX в. Традиционно о русских классиках XIX в. американские литературоведы писали в восхищенно-почтительных тонах. Даже Достоевский с его монархизмом и неприязнью к полякам и евреям вызывал лишь мягкую критику. Великого писателя стремились понять и объяснить. Подобное отношение к Золотому веку русской литературы связано с влиянием русских эмигрантов первой волны, заложивших основы американской русистики.

Водораздел «добра» и «зла» проходил по времени крушения Российской империи и прихода к власти большевиков. Далее хорошие русские писатели либо эмигрировали, либо стали жертвами режима, пусть и в косвенной форме, как Булгаков. Такая схема, при всех натяжках, устраивает американских литературоведов, сохранив за ними неограниченные возможности толкования нюансов в жизни и творениях любимых писателей. Книга Томпсон явилась своего рода ушатом холодной воды для почитателей русской словесности, но она оказалась востребованной в свете нарастающего противоборства США и России — противоборства, основанного не на борьбе идеологий, а на разных geopolитических интересах и различиях национальных менталитетов, то есть принадлежности к разным цивилизациям.

Книга «Имперские знания: Русская литература и колониализм» содержит введение и семь глав. Во введении Томпсон не без удовлетворения отмечает тенденции дезинтеграции РФ, в частности, явления сепаратизма в Сибири, на Северном Кавказе и Дальнем Востоке. Эти тенденции определили задачу написания книги:

По таким показателям, как территория и население, Сибирь и Кавказ представляют отдельные целостности, сравнимые с «белыми колониями» Британии, такими как Канада или Австралия. Передача центральными властями своих полномочий в Сибири и на Дальнем Востоке не обязательно должна включать полное отделение от Москвы, и книга не дает рекомендаций, как процесс децентрализации должен развиваться. Она показывает, как русские писатели поддерживали власть центра, чтобы помешать периферии

говорить своим голосом и выражать свой опыт как субъект истории, а не простое приложение к центру²⁷.

Томпсон понимает, что ее трактовка русских писателей не вызовет немедленных изменений в литературоведческих кругах США, но рассчитывает, что ее работа со временем существенно расширит сложившиеся представления американских русистов и приблизит изучение русской литературы к проблемам реальной жизни:

Я понимаю, что одна работа не может вызвать радикальных изменений в структуре восприятия России и отзывах о России. Описание явления, называемого «Россия», есть интеллектуальная реальность, и ее трансформация, естественно, будет медленной. Англоязычное прочтение русской литературы, которое закрывает глаза на проблемы русского колониализма и агрессивного национализма, не исчезнет в один день²⁸.

В первой главе книги Томпсон даются общие сведения о русских, происхождении русского государства и описываются основные признаки русского колониализма и его отличия от колониализма западных стран. Русофобская позиция автора отчетливо выражена, особенно в актуальном в наши дни противопоставлении Киевской Руси и Московии. Первая, по мнению автора, есть прямой предшественник украинцев и белорусов, но не русских – порождения Московии:

Важно также помнить... что в Московии не существовало осознания собственного бытия как продолжения Киевского государства... Таким образом, понятие воссоединения трех восточнославянских народов, выдвинутое российскими идеологами в XVIII в., было изобретением конца XVII столетия, а не неотъемлемой частью восприятия московитов в XV и XVI столетиях²⁹.

Подобная позиция является калькой трудов польских историков – русофобов; с ними Эва Маевска Томпсон, урожденная Маевска, поддерживает самые тесные рабочие и дружеские контакты.

Для нас, несомненно, наиболее интересна вторая глава книги. Глава эта написана с целью разоблачить Пушкина и Лермонтова как бардов российского колониализма. Особенно любопытны комментарии Томпсон к запискам Пушкина о его путешествии по Кавказу и Восточной Турции во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг., известных как «Путешествие в Арзрум»³⁰. Томпсон не жалеет красок, живописуя Пушкина как великодержавного националиста, сторонника неограниченных захватов Россией чужих территорий:

Путешествие Пушкина переполнено имперскими поучениями, утверждающими, что великодушная Россия дарит порядок и единобразие первобытному хаосу. По ходу по-вествования подразделение солдат отправляется «чистить» лес. Метафора чистки повторяется в литературе о Востоке, имеющей дело с колониями; можно упомянуть поэму Редьярда Киплинга «Песня белого человека» (1899), где сказано, что мужчины «приходят очищать землю»³¹.

Томпсон всячески стремится подчеркнуть высокомерное отношение Пушкина к азиатским народам – объектам цивилизаторской миссии российских солдат. Поэт черств к страданиям и смерти кавказских горцев и турок, причем последние вызывают у него расистское пренебрежение:

Пять сотен «турецких» пленников ждали поблизости без признаков страха, хотя на их глазах казаки приканчивали раненых: однако предполагается, что это не столько мужество, сколько молчаливое равнодушие. Черкесские тела лежат везде. Бравый русский полковник курит «их» трубки «дружелюбно». Низшая природа турок подразумевается по упоминанию о «гермафродите» среди них: нам говорят, что такие чудовища часто встречаются среди кочевников. Перед возвращением в Россию поэт посещает базар и там сталкивается с «ужасным нищим»... Поэт «оттолкнул нищего с чувством омерзения, которое невозможно описать»³².

Надо сказать, что «непредвзятый» автор допускает тут литературную (и человеческую) нечистоплотность. Отношения русских с горцами Кавказа Пушкин описывает как видит, то есть отдает должное разбойничьей храбрости горцев и далеко не всегда восхищается делами русских:

Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены... В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунасмеяны и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки³³.

Никакого презрения нет у Пушкина и по отношению к туркам. О молодом турке, убитом в бою, он пишет с явным сожалением:

Лошадь моя, закусив удила, от них не отставала; я насилию мог ее сдержать. Она остановилась перед трупом молодого турка, лежащего поперек дороги. Ему, казалось, было лет 18; бледное девическое лицо его не было обезображенено. Чалма его валялась в пыли; обритый затылок прострелен был пулею. Я поехал шагом...³⁴

Подлогом со стороны Томпсон можно назвать и цитированный выше издевательский пересказ описанной Пушкиным сцены после боя, где турецкие пленники с восточным равнодушием ожидают своей участи и бравый русский полковник «дружелюбно» курит их трубки. В пересказе этой сценки Томпсон опускает такую малость, как спасение Пушкиным раненого турецкого солдата:

Из лесу вышел турок, зажимая свою рану окровавленной тряпкою. Солдаты подошли к нему с намерением приколоть, может быть, из человеколюбия. Но это слишком меня возмутило; я заступился за бедного турка и насилию привел его изнеможенного и истекающего кровью к кучке его товарищей. При них был полковник Анреп. Он курил дружелюбно из их трубок, несмотря на то, что были слухи о чуме, будто бы открывшейся в турецком лагере³⁵.

В том же ключе автор разбирает и творчество Лермонтова, посвященное захвату Кавказа. Особое внимание уделяется роману «Герой нашего времени», где наряду с лишенным корней эгоистом Печориным выведен Максим Максимыч – благородный образ солдата-колонизатора. Черкесы даны Лермонтовым как неорганизованная сила – необузданые, мстительные, не умеющие управлять страстиами. Томпсон считает, что кавказские произведения Пушкина и Лермонтова заслонили перед читателем реальный Кавказ тех времен:

В русской и иностранной памяти Кавказ 1820–1830-х виден глазами Пушкина и Лермонтова, а не чеченцев, лезгин, балкарцев или ногайцев³⁶.

Если вторая глава книги Томпсон посвящена развенчанию Пушкина и Лермонтова как бардов российского колониализма, то в третьей главе автор берется уже за Толстого и его роман «Война и мир», сыгравший, по мнению Томпсон, решающую роль в формировании образа Российской империи в русском самосознании³⁷.

Четвертая глава книги рассказывает о русской колонизации Средней Азии. Глава малоинформативна в плане литературоведения, но содержит подборку фактов о разграблении русскими художественных сокровищ Туркестана и колониальной эксплуатации его народов в царские и советские времена. Подборку, разумеется, крайне одностороннюю, исключающую упоминания об огромном вкладе русского народа в развитие экономики, культуры и государственности Средней Азии.

Пятая глава посвящена Сибири советского периода. В ней рассматривается творчество В. Распутина, который, согласно Томпсон, воспевает колонизацию Сибири, замалчивает проблемы ее коренных народов и не способен прийти к единственно правильному выводу – потребовать от Москвы широкой автономии для Сибири. В шестой главе рассмотрена советская идеология в литературоведении, в частности в трудах В. Шкловского и Д. Лихачева. Томпсон грустно заключает, что обоих авторов не интересовало положение угнетенных народов СССР. Наконец, в седьмой главе появляется свет в конце туннеля – в лице Л. Петрушевской и В. Новодворской, мужественно призывающих Россию покончить с колониальным прошлым и освободить свои народы. Томпсон заключает главу (и книгу) следующим пассажем:

Писатели, подобные Петрушевской и... Новодворской, считают, что практика захвата и удержания чужих земель в пользу Москвы должна быть оставлена. Русский народ не может больше ее поддерживать. На самом деле он сам должен разделиться на собственно Россию и ее «белые колонии» – Сибирь и Дальний Восток... Никто из русских писателей-мужчин не осмелился когда-либо сказать, что «Российская» федерация слишком обширна и разнообразна, чтобы управляться одним правительством, расположенным в Москве... Показывая, как империя распалась, женщины – Людмила Петрушевская в частности – заслуживают право называться первыми русскими постколониальными писателями³⁸.

В заключение рассмотрения книги Томпсон следует объяснить, почему этой работе уделено столь много внимания. Казалось бы, зачем вообще подвергать разбору книгу, опубликованную в самый тяжелый период существования постсоветской России? Ведь работа писалась в конце 1990-х и вышла из печати в 2000 г., во времена, когда новому президенту В. Путину от бессилия «выть хотелось». Сейчас кризис миновал, слухи о смерти России оказались несколько преувеличены, а сепаратизм окраин хотя не исчез, но существенно уменьшился. Соответственно, резко ослабли тенденции распада России, побудившие автора написать свой труд. Но задача книги масштабнее причин, ее породивших. Томпсон замахнулась на главное, что есть в России и что скрепляет ее как государство, — на русскую культуру, в частности на ее главный компонент — литературу.

Дискредитировать великих русских писателей (политически, как апологетов российского имперализма, и морально, как националистов, презиравших инородцев и творивших историю лжи) — это значит ударить в самое сердце положительного образа России и русских. Поддержка, которую получила книга не очень известного американского русиста, свидетельствует, что этот посып оценили те, кто считает, что рано или поздно, но «Карфаген должен быть разрушен».

Заключение

Настоящий обзор может создать впечатление о тотальной политизированности американских русистов, что, разумеется, никоим образом не соответствует реальности. Согласно проведенному нами исследованию, в 2005 г. в США насчитывалось 116 кафедр и научных центров, где преподавали и изучали русский язык и литературу, историю и общественную жизнь России. Исходя из средней оценки 10 сотрудников на кафедре, общее число специалистов-русистов составляет около 1160 человек. Вероятно, их существенно больше, поскольку крупные научные центры насчитывают десятки сотрудников. Вместе с аспирантами научный потенциал американских русистов можно оценить в 2–3 тыс. человек. Это внушительно, если учесть, что речь идет об образованных людях с собственными взглядами на окружающий мир. Неудивительно, что среди них можно встретить самое различное отношение к России.

Многие американские русисты искренне привязаны к русской культуре и симпатизируют россиянам. Кафедры русского языка и литературы нередко имеют клубы, где за самоваром проходят семинары по русской культуре, где студенты вместе с преподавателями ставят русские пьесы и разучивают народные песни и танцы. К сожалению, не эти доброжелательные люди делают погоду в формировании отношения американского истеблишмента к России. Поэтому остается надеяться, что происходящие глобальные перемены (в том числе усиление России) постепенно приведут к изменениям в американском обществе. Лишь отбросив желание властвовать над миром, Америка может обрести с ним гармонию. Здесь важную роль могут играть те специалисты по России, кто с уважением и доброжелательно

к нам относится и своими трудами прокладывает путь к сотрудничеству, а не тро-
пу «холодной войны».

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-04-00600а «Образ России в национальном самосознании: исторический и современный контекст».

² Здесь и далее цит. по: *Бербанк Дж. Новые течения в американской историографии о России: власть и культура // Доклад, прочитанный в июне 1997 г. на Летней школе, организованной Московским общественным научным фондом в рамках программы «Российские общественные науки: новая перспектива». М., 1997.*

³ *Pipes R. Russia under the Old Regime. New York: Charles Scribner's Sons, 1974; Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1965.*

⁴ *Yanov A. The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible in Russian history. Berkeley: University of California Press, 1981; Янов А. Россия против России. 1825–1921: Очерки истории русского национализма. Новосибирск, 1999.*

⁵ *Malia M.E. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.*

⁶ *Malia M. Non possumus // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). <http://www.strana-oz.ru/authors/?author=493>*

⁷ *Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997.*

⁸ *Pipes R. Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2006.*

⁹ *Beissinger M.R. The Persisting Ambiguity of Empire // Post-Soviet Affairs. 1995. Vol. XI. № 2. P. 155.*

¹⁰ *Suny R.G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire. Chapter for «A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin». New York: Oxford University Press, 2001. P. 23–66; first delivered as a paper for the University of Chicago Conference, Empire and Nations: The Soviet Union and the Non-Russian Peoples. October 24–26, 1997.*

¹¹ *Armstrong J.A. Nations Before Nationalism. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982.*

¹² *Doyle M.W. Empires. Ithaca: Cornell University Press, 1986.*

¹³ *Резников К.Ю. Украинцы и русские: идеология противостояния // Москва. 1996. № 4. С. 128–154.*

¹⁴ *Suny R.G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire. Chapter for «A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin». New York: Oxford University Press, 2001. P. 5.*

¹⁵ *Бербанк Дж. Указ. соч.; Kivelson V. Merciful Father, Impersonal State: Russian Autocracy in Comparative Perspective // Modern Asian Studies. 1997. Vol. XXXI. № 3. P. 637–638; Rudolph R.L. and Good D.F. (eds.). Nationalism and Empire: The Habsburg Empire and the Soviet Union. New York: St. Martin's Press, 1992.*

¹⁶ *Barkey K. and von Hagen M. (eds.) After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empire. Westview Press,*

1997; *Burbank J., von Hagen M. and Remnev A. (eds.) Geographies of Empire: Ruling Russia, 1700–1991*. Indiana, in print.

¹⁷ *Von Hagen M. Empires, Borderlands and Diasporas: Eurasia as Anti-Paradigm for the Post-Soviet Era // The American Historical Review*. 2004. Vol. 109. № 2. P. 445–468.

¹⁸ *Ibid.* P. 445–446.

¹⁹ *Christian D. A History of Russia, Central Asia and Mongolia. Vol. 1. Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire*. Oxford, 1998. См. также его программные статьи: *The Case for «Big History» // Journal of World History*. 1991. Vol. 2. № 2. P. 223–238; *Inner Eurasia as a Unit of World History // Journal of World History*. 1994. Vol. 5. № 2. P. 173–211.

²⁰ *Rieber A.J. Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Interpretive Essay // In Hugh Ragsdale, ed., Imperial Russian Foreign Policy*. Cambridge, 1993. См. также: *The Comparative Ecology of Complex Frontiers // Moscow conference: «History of Empires: Comparative Approaches to Research and Teaching», Moscow, June 7–9, 2003*.

²¹ По списку авторов см. ссылку № 76 в работе: *Suny R.G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire. Chapter for «A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin»*. New York: Oxford University Press, 2001.

²² *Lewis M.W. Comments. Mark von Hagen: Empires, Borderlands, and Diasporas: Eurasia as Anti-Paradigm for the Post-Soviet Era // Ab Imperio*. 2004. V. 1. <http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?idlang=1&state=portal/toc/a12004>

²³ *McDonald D. Comments // Ibid.*

²⁴ *Реклю Э.Ж.-Ж. Земля и люди. Всеобщая география. Т. 9. СПб.: Издание тов. «Общественная польза», 1899. С. 530–531.*

²⁵ *Thompson E.M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*. Westport, CT: Greenwood Press, 2000.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Ibid.* P. 1.

²⁸ *Ibid.* P. 2–3.

²⁹ *Ibid.* P. 16–17.

³⁰ *Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 9 томах. Т. VII. С. 707–781.*

³¹ *Thompson E.M. Imperial Knowledge... P. 62.*

³² *Ibid.* P. 63.

³³ *Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум. С. 717, 720.*

³⁴ *Там же. С. 758.*

³⁵ *Там же. С. 761.*

³⁶ *Thompson E.M. Imperial Knowledge... P. 74.*

³⁷ Подробнее об этом см. на с. 585 настоящего издания. – Ред.

³⁸ *Ibid.* P. 221.

Фонд
Достоевского

гуманитарные программы и исследования

II Международный симпозиум

**РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ
В МИРОВОМ
КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ**

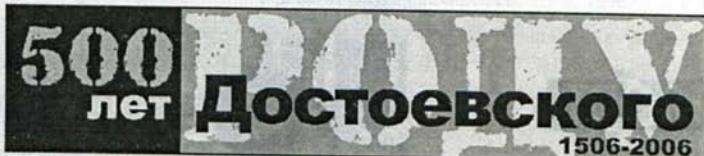

II Международный симпозиум

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

15–18 декабря 2006 г.

Москва (пансионат «Покровское»)

ОРГКОМИТЕТ

И. Волгин (председатель),
акад. РАН А. Куделин, чл.-корр. РАН А. Молдован,
Б. Тарасов, А. Битов

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

Правительства Москвы
Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ

Фонд Святого
Всехвального
апостола
Андрея
Первозванного

АКЦИОНЕРНАЯ ФИНАНСОВАЯ КОРПОРАЦИЯ

СИСТЕМА

ЦЕНТР
НАЦИОНАЛЬНОЙ
СЛАВЫ
РОССИИ

ПРИ УЧАСТИИ

Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Литературного института им. А.М. Горького
Русского ПЕН-центра

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

НЕЗАВИСИМАЯ

Московские // новости

октябрь

РАДИО ЭХО МОСКВЫ

РАДИО РОССИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ГРАДОПРИМЫСЛЕННАЯ
СОБСТВЕННОСТЬ

Всероссийский научно-исследовательский институт русской языка им. А.С. Пушкина
и Академия русской словесности
приглашают ученых, педагогов, писателей и любителей русской культуры
участвовать в II Международном симпозиуме
«Русская словесность в мировом культурном контексте»

ИЗБРАННЫЕ ДОКЛАДЫ И ТЕЗИСЫ

Москва, 2008